

Интервью

ДЖЕФФРИ НОРРИС: «КОГДА ИССЛЕДУЕШЬ НЕЧТО НОВОЕ, ЭТО МОЖЕТ БЫТЬ ИНТЕРЕСНО КОМУ-ТО ЕЩЕ»

Бакалавр искусств, сотрудник Королевского музыкального колледжа, профессор Тамбовского государственного музыкально-педагогического института им. С.В. Рахманинова, профессор РАМ им. Гнесиных — об интервью с Рахманиновым, британских музыковедов и собственных открытиях.

Беседовала Ангелина Дудикова

А. Д.: Господин Норрис, это уже не первая конференция в РАМ им. Гнесиных, в которой вы принимаете участие. Какой доклад вам особенно понравился на сей раз?

Дж. Н.: Мне показался очень интересным доклад Сусаны Эгеа Руис. Она рассказывала об итальянском музыкальном коллективе

Интервью

эпохи Возрождения Concerto delle Donne. И я узнал много нового — такого, о чем раньше даже не задумывался. Также мне понравился доклад Александра Рыжинского, посвященный опере Луиджи Ноно «Прометей». Я присутствовал на ее премьере еще в 1980 году, и было интересно пересмотреть свои взгляды на это произведение.

В центре вашей научно-исследовательской работы — Сергей Рахманинов. Почему?

Я всегда увлекался русской музыкой. Это началось еще в студенческие времена: в ту пору я изучал доглинкинский период и думал, что буду заниматься этим и дальше. Рахманиновым я заинтересовался в 1973 году, когда отмечалось столетие со дня его рождения. Тогда же написал свою первую книгу о нем. В то время Рахманинов был малоизвестен в Англии. Его знали благодаря Второму и Третьему концертам, может быть, Второй симфонии, некоторым фортепианным прелюдиям (таким, как g-moll, cis-moll). Мне же как исследователю было интересно охватить более широкий круг сочинений. Сейчас ситуация совершенно иная: сегодня в концертном репертуаре намного больше музыки, чем тогда. Почти все записано на диски, в том числе все три симфонии, четыре концерта, «Колокола». Вы знаете, для меня Рахманинов — больше пианист, чем композитор. Такое разделение личности я всегда находил интересным. И я не собираюсь останавливаться — буду искать и, надеюсь, находить что-то новое.

Я знаю, что вы пишете книгу о Рахманинове. Она историко-биографическая или музыковедческая?

Ни то, ни другое. Это антология всех интервью (надеюсь, что всех), которые давал Рахманинов. Большинство из них на английском, около трех или четырех, которые я перевел, — на русском. Пока в мо-

Интервью

ем распоряжении около 35 интервью. Всего, я думаю, их было 45. Поэтому мне нужно найти еще примерно 10 или 12. Что-то я могу искать в интернете и библиотеках, изучая архивы, спрашивая людей. Это интересная работа. Надеюсь завершить ее к следующей весне. Полагаю, книгу можно все-таки назвать музыковедческой. Она войдет в новое полное издание, которое мы готовим здесь, в Москве. Будут и другие книги. Но эта выйдет первой.

В Британии есть другие музыковеды, которые интересуются русской музыкальной культурой?

Да, сейчас это очень популярная тема. Большинство исследователей изучают XX век, прежде всего, Шостаковича и Шнитке. Возможно, немного меньше исследуют музыку XIX века, и, конечно, никто не занимается восемнадцатым.

Когда вы говорите об открытиях, Вы имеете в виду открытия для себя лично или для всех?

Я обнаружил многое, о чем раньше не знал. Например, «Симфонические танцы», его последняя оркестровая работа, связаны со Всенощным бдением. В финале «Симфонических танцев» он приписал Аллилуйю в партитуре — в том виде, в котором она идет во Всенощной. Я проделал огромную работу над Первой сонатой, которую Рахманинов немного сократил. И если вы пойдете в Российский национальный музей музыки, то обнаружите там оригинал. В нем можно увидеть все фрагменты, которые Рахманинов убрал, и восстановить полный текст сонаты, что я и сделал. Достаточно много я работал над партитурой Второй симфонии — над рукописью, которую обнаружили несколько лет назад. Если бы я жил в Москве, то проводил бы все свое

Интервью

время в музее имени Глинки, потому что там так много важного для меня материала! Я наслаждаюсь этой работой.

Как вам работается здесь, есть ли сложности с доступом к источникам?

Нет, никогда не бывает. Конечно, в музее Глинки меня хорошо знают. Но даже если мне нужно воспользоваться каким-то новым архивом, достаточно просто зарегистрироваться. Я считаю, если Вы терпеливы, вежливы и знаете русский (*смеется*), не будет никаких проблем.

«“Франческа да Римини” Рахманинова: удачи и разочарования процесса сотрудничества». Почему вы выбрали именно эту тему для доклада?

Дело в том, что на протяжении долгого времени я искал повод, чтобы написать больше о «Франческе да Римини», потому что мне было о чем рассказать. Изучив переписку между Рахманиновым и Модестом Чайковским, вы можете подумать, что их взаимоотношения были достаточно сложными. Мне было важно понять, почему. Мой доклад был и об опере, и о Рахманинове — таким образом два моих интереса совпали.

А теперь философский вопрос: почему и для чего вы все это делаете?

Для собственного удовлетворения. Потому что, как мне кажется, если я прекращу исследования, мой мозг умрет. Когда вы будете в моем возрасте, то поймете, что очень легко ничего не делать. Я мог бы запросто сидеть дома со своим котом и ничем не заниматься. Но не думаю, что это хорошая идея. Мне нравится исследовать. Кто знает...

Интервью

возможно, когда вы узнаете нечто новое и пишете об этом, это может быть интересно кому-то еще.

